

Орлов Александр Анфимович

**Вологодские жители
Толстосумов и Финагей
Финагейч Девичьи слезы, и
смешная предприимчивость
владимирских обитателей,
или Люди желающие
перенести юг на север**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Анфимович О.**
Вологодские жители Толстосумов и Финагей Финагеич Девичьи слезы,
и смешная предприимчивость владимирских обитателей, или Люди желающие
перенести юг на север / Орлов Александр Анфимович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2026. – 36 с.

ISBN 978-5-521-26449-0

Старинная повесть. Сочинение Александра Орлова.

ISBN 978-5-521-26449-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ДѢВИЧЬИ СЛЕЗЫ.

*Пріѣхали къ намъ изъ иныхъ земель
желудкоушители; а мы уши - то на
четверть и выставили.*

Достопочтенные собратья! пресловутые обишатели улусовъ града Вологды! до сихъ поръ живемъ мы, яко не люди. Во всей спранѣ Вологодской не расшешъ не только персика и апельсина, сладкаго барскаго кушанья, не только не распушъ дыни и арбузы, любимое лакомство самыхъ первоспашейныхъ купцовъ и ихъ супружницъ, не только не распушъ Володимірскія вишни и клюква, сладость и пресыщеніе мѣщанъ и всея брашні, возходя опъ низшей и до низшей, увы! не произрастаютъ самые огурчики и яблочки. Велемудрые словесники града Вологды! рцыте, не обращите ли въ главахъ вашихъ разума и смысла, какъ бы въ спранѣ сей произвести чудеса дивныя, именно: какъ бы развесити въ спранѣ сей плоды всего міра, дабы и мы, обишатели спраны хладныя, имѣли опраду вкушать плоды златаго Востока? Сія мысль давно со-

крылась во глубинѣ главы моей; рцы-те же вы, велемудріи, какъ бы сотворить сіи чудеса дивныя?—Такъ говорилъ Вологодскихъ справъ Толстосумовъ, имѣющій сады и большое количество земли, и желавшій вдругъ разбогатѣть отъ плановъ, свойственныхъ людямъ предприимчивымъ, но не имѣющій ума и характера оныхъ людей.

Сіе дѣло естъ превеликолѣпная великолѣпность! возопилъ Финагей Финагеевичъ, по фамиліи: Дѣвичьи слезы, жившій у Вахрамея Вахрамеевича Толстосумова, въ качествѣ управителя его имѣній и исполнителя повелѣній; яко книжникъ возвѣщу о семъ, не обинуясь.

Возвѣспи, мужъ доблестивенный! возвѣспи, возгласило собраніе Воложанъ, собравшихся по позыву господина Толстосумова, желавшаго для своихъ видовъ воспользоваться чужими совѣтами, не имѣя собственнаго смысла.

Рцы предъ всею братією, воскликнулъ Толстосумовъ; ты еси настоящая *дѣвичья слеза*; понеже ты, яко плачущаяся дѣвица, проливалъ горькія слезы, когда хопѣли опредѣлишь тебя въ Государственную службу и опъяпи, или, лучше уже сказапь, похишти изъ рукъ

матернихъ , по наущенію лихова дядюшки , весь вѣкъ свой препоясанный гусарскою саблею ,—рцы , мужъ доблестивенный , столькократно исполнявшій мои велѣнія , устроивающій кирпичный заводъ мой , смотрящій за моимъ скотнымъ дворомъ , наблюдающій за порядкомъ конюшни ,—рцы , строгій взыскатель съ воздѣлывающихъ поля мои , съ учреждающихъ сады ,—рцы , неутомимый завѣдыватель доходовъ моихъ , поступившій ко мнѣ во управители , чуждаяся всякой казенной должности. Ты имѣешь одобрительную грамоту о ученіи оупъ пономаря , именуемаго Филиппъ ; а въ грамотѣ онъ Филиппъ явственнѣе восписуешь : Часословъ кончилъ ; но , кончивъ опрочесство , Кафизмъ не доспигъ . Ипакъ ты , глава премудрая , рцы о словесѣхъ моихъ .

Финагеичъ , *Движи Слезы* , видя что дѣло идешь не нашушку , облокотился рукою на столъ , попомъ схватилъ себя за лобъ , посмотрѣлъ на предстоящихъ и началъ рѣчь слѣдующаго содержанія Восписуемая мнѣ оупъ вашего Толстосумскаго Высокумія похвалы паче самой грамоты пономора Филиппа . Такъ , прошолъ я до самыхъ Кафизмъ , но дѣлать нечего , когда ихъ не началъ ; понеже , когда я

возмужалъ, то пошло другое на умъ. Хотя предлагаемое вашей милостью и мудрено, но я рѣшу, и вопъ какъ рѣшу, что вся Вологда ужаснется.

Того-то мы и хотимъ! воскликнулъ Толстосумовъ, сего-то и желается, и хочется, и благоизволился; провѣщай!

Провѣщаю, сказалъ Финагеичъ; дѣлать нечего! О, сія необходимость вѣщати! великіе таланты призывающія; и се! я возглашаю.

Возгласи! воскликнули всѣ, возгласи, о мужъ великаго разума и смысла!

Оле! невѣдѣнія, оле! искушенія человѣческаго! возопилъ Финагеичъ, когда у насъ въ Вологдѣ не произрастаютъ яблоки и огурцы, то что уже произрастаетъ за градомъ Архангельскимъ, гдѣ красное солнышко землю грѣетъ менѣе, нежели здѣсь; но я зрю, вы не внемлете.

Внимаемъ! внимаемъ! воскликнули Воложане, право, всѣ до единого ради хошь на чепвершь уши выставишь.

А, когда такъ, то я и прогласилъ, возвысилъ голосъ Финагеичъ; но не зрите ни семо, ни овамо, ни верху, ни низу, а прямо въ лице мое.

Ни на пяденку не видимъ! воскликнули Воложане.

Вопъ, это мнѣ и пріятно! сказалъ бажно Финагеичъ, и се, рѣшеніе.

Дожидаемся, дожидаемся! возопило все собраніе въ одинъ голосъ.

Се, естъ велія тайна! началъ говорить Финагеичъ; но я опъ глубоко-мысленнаго еще мужа, кромѣ повѣмари Филиппа, поспигъ еще книжныя хипросплетенности.

Вопъ, эпо-по и хорошо! воскликнули Воложане; скажи-ка пы ихъ намъ.

Но я обращаю къ вамъ со Исторіею? возгласилъ Финагеичъ.

Обратися, обратися! воскликнули Воложане. Эшу Исторію мы примемъ въ гости, какъ и себя, друга сердешнаго, ежели она добрая и не-коловрапная женщина; намъ нужды нѣтъ, дворянкали она, или креспьянка.

Я обращаю къ вамъ и съ Географіею, подхвапилъ Финагеичъ.

И ее, милоспи просимъ! воскликнули Воложане; только бы была она не какая нибудь бездѣльница.

А, когда такъ, по я вамъ покажу и Ариеметику, сказалъ Финагеевичъ.

Впроёмъ-по еще лучше! воскликнули Воложане, всѣхъ милоспи просимъ.

Ну, такъ я вамъ шеперь доложу, началъ говорить рѣчь Финагеичъ; когда вы просите въ гости Исторію, Географію и Ариеметику, не спросясь меня, знаю ли я ихъ корешко, припомъ будучи сами извѣстны, что

я на кирпичныхъ заводахъ ихъ не-
 видалъ; по рѣшишельно объявляю, что
 я объ эсихъ женщинахъ слышалъ отъ
 живущаго здѣсь выписнаго повара
Голтепина, получающаго жалованья
 отъ его милости Толспосумова по
 двѣ тысячи рублей каждагодно за
 то, говоритъ Голшепинъ, что я дѣ-
 лаю желудки учоными, сирѣчь, гото-
 вя кушанья не поруски, а *пофранцъ-
 нльмиць-идльиць* именно: дѣлая изъ Рус-
 ской говядины вмѣсто нарицаемой
 похлебки, пофранцузски нарицаемый
 соусъ, вмѣсто жареныхъ бараньихъ
 реберъ коплешки, вмѣсто шей супъ
 о-шу; вмѣсто пирожковъ паспешы;
 вмѣсто мороженой смепаны съ саха-
 ромъ, бланъ манже: и все эшо для
 того, чтообъ Русскіе желудки сдѣ-
 лать учоными, переваривали бы снѣ-
 даемое всё по иноземельному. Сей ве-
 ликій желудкоучитель объявилъ мнѣ
 за шайну, что въ своей землѣ точно
 былъ онъ поваръ; но пришедши сю-
 да, опредѣлился сперва не желудко-
 учителемъ, но главоучителемъ дѣ-
 шей; и шунъ, по его разумѣнію чи-
 шанъ, по необходимости бралъ съ
 полокъ книги, для дѣшей купленныя,
 и ясно усмотрѣлъ, что одна книга на-
 рицается Исторія, другая Географія,
 шпретія Ариемешика; почему онъ и

смотрѣлъ въ свѣтцы свои иноземельныя, нѣтъ ли сихъ женщинъ въ свѣтцахъ; но нѣтъ! ни одной не нашлось; смотрѣлъ и я въ свои Русскія, но и тамъ ни въ единыхъ свѣтцахъ не обрѣтается. Однако чревоучитель мнѣ признался, что онъ, осердясь на сіе, или лучше сказать, что осердился на него, что онъ сихъ женщинъ не знаетъ; онъ же полѣсился на сумму, предлагаемую опъ Г. Толстосумова, лучше захотѣлъ опяť приняться за кострили, нежели опыскивать и розыскивать, что это за женщины; а потому, и я ихъ не зная, въ госпи не приведу, а возглашаю *Голтепинъ* естъ выходець иноземельный и назвался *Голтепою* потому что Рускіе, по его израженію, не умѣютъ цѣнить талантовъ, и якобы въ насмѣяніе, что онъ не зная ни Исторіи, ни Географіи, ни Арифметики, дали прозваніе Голтепа, т. е. ничего не знающій о сихъ женщинахъ. Но сіе предложиť мнѣнію мудрѣйшихъ; а я обращаюсь.

Нѣтъ, ужъ не ворочайся! возкликнули Воложане, лучше скажи такъ попросту, порусски.

Ну, ужъ я сказалъ вамъ, опвѣспивоваль Финагеичъ, что, слышанное опъ Русскаго, слыветъ Русскимъ,

а слышанное опъ Француза, слыветъ Французскимъ; эта Голшепа именуется на Россійскомъ, а на Нѣмецкомъ Голдъ - Баумъ, сирѣчь златое древо, а опъ сего златаго древа вы, якоже и я, и извольте выслушать рѣшеніе на вопросъ Господина Толстосумова. Порусски *Голшепа*, а по Нѣмецки Голдъ - Баумъ, всё вамъ разкажетъ до тонкости. Хотя я при первомъ вопросѣ и показалъ, что я мудрствую, но прошивъ Голшепы не смѣю.

Воложане розинули ротъ, задумались; однако, позвали въ собраніе чревоучителя, дабы разрѣшить вопросъ можно ли въ Вологодскихъ улусахъ развести дыни, арбузы, персики и лимоны.

Голшепа явился въ собраніе; и, зная совершенно порусски, началъ рѣчь даже на Славянскомъ языкѣ; потому что пономарь училъ его Часослову. Голшепа началъ рѣчь вопъ какую: Премудрость моя сложена изъ часпей разнородныхъ; чипалъ я много, а слышалъ больше, на примѣръ: 1 е Галичане хопѣли перевезши Московскую большую колокольню къ себѣ; 2 е Пошехонцы, видя, что небо, за ихъ горами и лѣсами, сходяпся съ землею, подумали, что небо упадетъ; а потому и желали подпереть его колья-

ми; 3е Чухломцы, имѣя рукавицы за поясомъ, другихъ ищущъ. Теперь вопросы: 1й перевезли ли Галичане колокольню изъ Москвы къ себѣ; 2й Пошехонцы подперли ли небо кольями; 3е Чухломцы, *Рукосуи*, нашли ли тѣ рукавицы, которыя у нихъ за поясомъ. Господинъ Толспосумовъ имѣетъ великія дарованія; а потому не только можно развести здѣсь яблони, огурцы, можно даже развести дыни, арбузы, сливы, персики, ананасы; а это всё состоитъ во мнѣ. Я изученъ даже Химіи, Металлургіи, Хирургіи, Фортификаціи и всякой всячинѣ. Теперь извольте же выслушать: у Господина Толспосумова будетъ родиться всё; именно вопъ какимъ манеромъ: послашь въ Переяславль Залѣсскій подводъ сошню, чѣобы привезши опшуда чернозему; потому что на черной земелькѣ всегда ходишь саха хорошо.

Се! плодъ великой мудрости, возопилъ Толспосумовъ.

Сего не довольно, началъ продолжашъ Голшепа; вопъ еще, что лежишь у меня на решивомъ сердцѣ.

Что такое, что такое? возопили Воложане, что у тебя лежишь на решивомъ-то! да что это за Металлургія и Хирургія?

А! то-то и есть, отвѣчалъ преважно Голшепа; Металлургія есть наука, научающая: изъ глины дѣлать золото! а для сего и прибыли въ Москву иноземельцы, которые и пытаюся изъ Московской глины сдѣлать золото, да они ужъ и на практикѣ показали свое искусство, именно: пришедши съ пустыми карманами, ѣдутъ въ свои края съ набитыми кошельками; а Хирургія по нашему изрѣченію значить опрѣзывать у Русскихъ лишнее; а Фортификація значить изъ множества дураковъ, могущихъ повѣрить чужеземельцамъ воспитаніе природныхъ Русаковъ, составивъ въ послѣдствіи одного большаго дурака, которой бы ничего не щадилъ для насъ иноземельцевъ. Но это дѣло въ сторону; такъ, я вамъ опыщу и Металлурговъ и Хирурговъ.

Хирурговъ намъ пока не надобно, сказалъ Толстосумовъ, а изъ глинки составлять золото не дурно.

Ну, такъ, вотъ это и очень можно; въ Переяславль ѣхать за черноземомъ, въ Пошехонь, Галичъ и Чухлому для поселенія въ вашихъ главахъ мудрости, а въ Москву ужъ за металлургиспами.